

От автора

Мифов и легенд о Юрии Гагарине и его полете уже и не счесть! Они начали рождаться уже с первых минут после Сообщения ТАСС о старте первого человека в космос. Одна из них гласила: Юрий Гагарин — это отпрыск (незаконный, конечно!) одного из князей Гагариных, которым принадлежали земли на Смоленщине, где родился космонавт. И хотя сам Юрий сразу же высмеял это утверждение, но потомки рода Гагариных, обосновавшиеся во Франции и Аргентине, утверждали, что это именно так...

Позже пошли уже менее «благородные» легенды.

Мол, Юрий Гагарин не был первым в космосе, до него летали другие, но все они погибли...

Мол, выдержать испытание космоса невозможно, а потому Гагарин был «погружен в летаргический сон, из которого он был выведен уже после возвращения»...

Мол, Юрий Гагарин «лишился разума» и конец своей жизни провел в сумасшедшем доме...

У последней легенды были основания: действительно, после 12 апреля 1961 года в психологических клиниках число «Гагариных» резко возросло. Потом к ним присоединились «Титовы», «Николаевы» и «Терешковы»... В общем, «космонавтов» — из-за популярности, конечно! — стало боль-

ше, чем «Наполеонов», «Сталиных» и «инопланетян»...

Мифы и легенды продолжают плодиться, и новому поколению подчас трудно определить, где вымысел и где правда.

Мне довелось быть свидетелем тех событий, которые происходили до, во время и после полета Юрия Гагарина. Посчастливилось встречаться и с ним самим, с учеными и конструкторами, которые готовили полет в космос. С некоторыми участниками тех великих событий я был в друзьях, а потому знал о них не понаслышке. Да и судьбу мою во многом определил выход человечества в космос — будучи инженером по образованию, я стал журналистом и писателем по призванию. Работа в «Комсомольской правде», а затем и в «Правде», дала мне возможность бывать на космодромах и в Центрах управления полетами, встречаться с великими людьми, проложившими дорогу в космос.

Правда намного интересней, взволнованней и фантастичней, чем любая легенда.

Была ли некая «тайна», связанная с полетом человека в космос и с самим Юрием Гагариным?

Безусловно! И об этом рассказывает данная книга...

Весна 1934-го...

Первый день весны выдался солнечным, теплым. Снег сразу же размяк, посерел, и возница, уставши понукать измученную лошаденку, слез с саней и пошел рядом с Алексеем Ивановичем.

— К вечеру надо управиться, — сказал он, — председатель велел.

— Я знаю, — согласился Алексей Иванович, — но видишь, прихватило Анну... Довезти бы...

Анна, накрытая тулупом, тихо стонала.

— ...Сын будет, — продолжал Алексей Иванович, — перед мужиком так мучаются... Довезти бы. — Он привык разговаривать сам с собой, немного глуховат был, потому и не брали его в бригаду плотники, хотя мастер был отменный. — Уж больно сильно ночью кричала, — продолжал Алексей Иванович, — перепугала всех... А председатель так и сказал: «Только быстрее, лошадь в хозяйстве нужна, а вы тут рожать начали...»

Алексей Иванович замолчал. Теперь уже надолго. До самого Гжатска не проронил ни слова. В городе сдал жену в больницу и сразу же отправился в Клушино — ведь там дети малые одни остались.

Ждали сына. Старшему, Валентину, уже было десять, Зое — семь.

Тридцатые годы... Они остались в памяти поколений по-разному. В том числе и как великих начал, необыкновенных свершений, вдохновенного труда.

Многое, чем мы по праву гордимся сегодня, берет начало в тридцатых годах.

Это была предпоследняя весна Циолковского. Одна из самых счастливых.

Калужский райком партии вместе с «Комсомольской правдой» организовал колхозный лекторий. Выступить первым пригласили знаменитого земляка — о нем слава по всей стране гремела, каждую неделю из столицы гости наведывались. Но не зазнался Константин Эдуардович, выступить перед крестьянами согласился сразу, хотя звали его теперь для лекций часто, а он отказывался — негоден уже стал к поездкам.

«Как человек научился летать» — тему лекции предложил сам Циолковский. Правда, засомневался: поймут ли его? Это ведь не о посевах, не о трудной зиме, пережитой в этом году, не о засухах, а полетах, дальних и близких... Поймут ли?

Он рассказывал неторопливо, хотя и непросто. Увлекся, начал ссылаться на специалистов, даже расчеты привел, но слушали знаменитого ученого — его слава и до этой деревушки докатилась — внимательно. Никто в зале не шумел.

А потом вопросы начались. О жизни на Марсе, об авиации, о космических путешествиях.

Циолковский был растроган. После лекции признался:

— Сорок лет преподавал, а таких мудреных вопросов не слышал. Как выросли интересы народа!

Запомнилась встреча в деревне. Константин Эдуардович вспоминал о ней часто. А потом раскладывал на столе свои книги — те, самые первые и совсем недавние — и долго смотрел на них. Видно, чувствовал, что жить осталось недолго.

Сначала видна только светлая точка. На черном фоне она постепенно увеличивается. И вот уже можно различить стыковочный узел «Аполлона». Корабль приближается быстро.

— Есть касание! — это голос Леонова.

В «Союз» всплывает Стаффорд.

— Здравствуй, Алексей!

— Здравствуй, Том!

— Стаффорд, — официально представляется астронавт.

— Леонов, — отвечает командир «Союза».

В космосе — первая международная орбитальная станция «Союз» — «Аполлон».

В программе полета есть строка: «В случае экстренной расстыковки необходимо сделать следующее...»

И в перечне экстренных дел, связанных с герметизацией переходного отсека, включениями двигателя и других жизненно важных дел для экипажей кораблей, есть одна странная запись: «Оставить автографы на трех книгах». Это книги, вышедшие в Калуге. Это книги Константина Эдуардовича Циолковского.

Они вернулись на Землю. И теперь хранятся в музее Калуги. Символический акт, конечно. Но он

закономерен, потому что скромный учитель из Калуги не только указал, как идти в космос, но и этап за этапом рассчитал пути проникновения во Вселенную.

И чем дальше мы идем по этому пути, тем зримей, величественней и... непонятней нам подвиг Циолковского. Непонятней?

Да. Потому что трудно, а тем более с высоты сегодняшнего дня, понять, как мог человек сделать такое. Казалось бы, жизнь поставила для него непреодолимые препятствия, обрекла его на жалкое существование, а Человек смог подняться над обыденностью, он презрел ее и перенесся в будущее. В нем он жил и творил.

Современникам он казался несчастным и сумасшедшим. Для нас он — гений, величайший ученый и мыслитель.

Помните возвращение Юрия Гагарина? Его первая пресс-конференция в Доме ученых.

Космонавту задали вопрос: «Отличались ли истинные условия полета от тех условий, которые вы представляли себе до полета?»

— В книге Циолковского очень хорошо описаны факторы космического полета, и те факторы, с которыми я встретился, почти не отличались от его описания, — ответил Ю.А. Гагарин. — Я просто поражаюсь, как мог правильно предвидеть наш замечательный ученый все то, с чем только что довелось встретиться, что пришлось испытать на себе. Многие, очень многие его предположения оказались совершенно правильными.

В декабре 1977 года Георгий Гречко выходит в открытый космос. Съемку ведет Юрий Романенко.

— Удивительная красота, — говорит Гречко, — на стыковочном узле станции вижу какие-то искорки... Постойте, но ведь это же грозы... Да-да, те самые грозы, которые полыхают далеко внизу...

— Допустим, что Циолковский мог предвидеть самый первый этап проникновения в космос, — говорит Георгий Гречко, — конструкцию ракеты, ее многоступенчатость — свои «ракетные поезда»? Ну, наконец, корабль и ощущения человека, попавшего в невесомость. Такое предвидение я допускаю... Но меня он поражает другим: глубиной своего проникновения в будущее. Да-да, именно глубиной! Четверть века космического уже прошло, а пока каждый этап космонавтики идет «по Циолковскому». Все, что сделали и у нас в стране, и американцы, — продолжает Гречко, — Циолковский не только предвидел, но и рассчитал до мелочей. И это не может не поражать... В истории цивилизации я не знаю такого же примера проникновения в будущее. И чем больше проходит времени, тем лучше мы понимаем Циолковского. Уверен, что до конца он еще не раскрыт...

Калуга. Музей Циолковского. Сотни людей, приходящих сюда.

И нет равнодушных. Этот великий Циолковский продолжает удивлять.

Его современники, точнее, большинство из них, пожалуй, имели право считать его безумцем. У них были для этого основания, и трудно их осуждать. Они были намертво прикованы к Земле, слишком

много сил, энергии и знаний они тратили, чтобы добыть кусок хлеба и не умереть от голода и холода.

В Вятке, где прошло детство Циолковского, случилась первая в его жизни трагедия.

В семье Циолковских — Марии Ивановны и Эдуарда Игнатьевича — заболел сын Костя. Скарлатина. И тяжелое осложнение — малыш оглох.

«Это самое грустное, самое темное время моей жизни» — так напишет позже Константин Эдуардович.

И следствие глухоты — одиночество. Сначала отчаяние, а затем дерзкая мысль: «Искать великих дел, чтобы заслужить одобрение людей и не быть столь презренным».

Потом он оправдывает свою глухоту. Более того, скажет, что именно ей обязан самостоятельностью мышления. Не будем спорить с самим Циолковским, как ни трудно согласиться с ним. Наверное, все-таки иное: условия, в которых рос мальчик. Не хватало книг, его любознательность не могла быть удовлетворенной. Он напишет: «Я стал интересоваться физикой, химией, механикой, астрономией, математикой и т.д. Книг было, правда, мало, и я больше погружался в собственные мои мысли... Я, не останавливаясь, думал исходя из прочитанного. Многое я не понимал, объяснить было некому и невозможно при моем недостатке. Это тем более возбуждало самостоятельность ума...»

Он умел еще читать, а это немалое искусство.

В архиве Академии наук СССР есть несколько листков с рисунками и пометками Циолковского. Он только что познакомился с «Математическими

началами натуральной философии» Ньютона. Его первый астрономический урок.

На одном из листков пометка: «8 июля 1878 г. Воскресенье. Рязань. С этого времени стал составлять астрономические чертежи».

Вот он, первый шаг к космосу, к Вселенной. Здесь истоки великого учения о преобразовании мира.

Он еще не знает, что предложить. Он знает лишь, что это обязательно надо сделать.

Тетрадка озаглавлена: «Вопрос о вечном блаженстве». Одновременно пишет такие строки: «Я вам показываю красоты рая, чтобы вы стремились к нему. Я вам говорю о будущей жизни».

Он не «чистый» мечтатель. Он проводит опыты. Самые первые опыты по космической медицине.

«Я делал опыты с разными животными, подвергая их действию усиленной тяжести на особых, центробежных машинах, — напишет Циолковский. — Ни одно живое существо мне убить не удалось, да я и не имел этой цели, но только думал, что это могло случиться. Вес рыжего таракана, извлеченного из кухни, я увеличил в 300 раз, а вес цыпленка — раз в 10; я не заметил тогда, чтобы опыт принес им какой-нибудь вред».

Именно с десятикратными перегрузками встретились при посадке Гагарин, Титов, все первые космонавты, которые летали на «Востоках», «Восходах», «Меркуриях».

1880 год. В городе Боровске новый учитель арифметики и геометрии. В августе у него свадьба. Сразу после венчания учитель едет покупать... токарный станок.

Сумасшедший...

Безумный вдвойне, потому что он начинает сочинять научные трактаты! Это в городе, где больше половины жителей не умеют расписаться, не могут читать и писать; в этом забытом богом городке, где книги есть только у следователя.

А учитель — опять-таки в воскресенье! — начинает писать дневник «Свободное пространство».

В этой работе он представил Землю именно такой, какой ее увидели с Луны астронавты.

Циолковский точно описал ощущения Алексея Леонова, вышедшего в открытый космос: «Страшно в этой бездне, ничем не ограниченной и без родных предметов кругом: нет под ногами земли, нет и земного неба».

Стоп! Воображение Циолковского пока бессильно. Он еще не может представить, как именно можно передвигаться в этом свободном пространстве, летать в нем. И Циолковский пишет: «Я заканчиваю пока описание явлений свободного пространства».

Когда бессильна наука, властвует фантастика. Она впереди науки, как мечта, которая всегда опережает действительность. Способность фантазировать, воплощать в реальное свои мысли, пока не подтвержденные точными расчетами, — необходимость и особенность (кстати, счастливая) человека, занимающегося наукой.

Итак, мечта ведет...

Вспомните: Жюль Верн и Герберт Уэллс, Ломоносов и Дарвин.

Наука и мечта.

Циолковский пишет повесть «Вне Земли».

А теперь сравним его представление о первом путешествии на Луну и рассказ экипажа «Аполлона-11».

Циолковский: «Это был удивительный сон... Над ними было черное небо. Безводная пустыня. Ни озерца, ни кустика...»

Армстронг: «Из лунной кабины небо казалось черным, а снаружи Луна была освещена дневным светом, и ее поверхность была коричневого цвета. Свет на Луне обладает какой-то странной способностью изменять естественные цвета предметов...»

«Сейчас мне трудно сказать, что я думал о значении этого полета, — напишет Олдрин, ступивший на Луну через 20 минут после Армстронга. — Человеку судьбой было предначертано рано или поздно высадиться на Луне. Этот вызов стоял перед ним с тех пор, как человек впервые взглянул на Луну, и он неизбежно должен был принять его...»

Вызов?

Безусловно. Мечтали о Луне многие люди всех поколений, которых знает наша цивилизация. Но именно простому учителю, глухому и задавленному нуждой в провинциальном российском городке, К.Э. Циолковскому предстояло определить и рассчитать, как именно и на чем можно добраться до этой самой Луны. И он принял вызов.

Но до ракеты еще далеко. Учитель в Калуге изобретает. Он все старается делать своими руками. Делал модели — их было около сотни! — а затем